

ной церкви, выраженная эстетическим образом (К.Онаш). Потому, приступая к отечественной философии Средневековья, нужно проявить внимательный, бережный, нетривиальный подход.

Русская философия допетровского периода имеет ряд отличительных особенностей как целостный культурно-исторический феномен. С одной стороны, она восприняла ряд элементов славянского языческого мировоззрения, которое по различным источникам (письменным, археологическим, этнографическим) реконструируется специалистами по истории культуры; с другой, после введения христианства в конце X в. она интенсивно вбирала в себя через византийское и южнославянское посредничество важные для ее творческой эволюции теоретические положения развитой к тому времени восточнохристианской философской и богословской мысли. От Византии, бывшей главной хранительницей античного наследия, Русь получила немало имен, образов, понятий основополагающей для европейской культуры эллинской цивилизации, но не в чистом, а христианизированном виде. Касательно XI–XIII вв. о древнерусской философской мысли можно говорить как о сложившемся явлении, в XV–XVI вв. она переживает свой расцвет, в XVII в. начинается постепенная смена средневекового типа мышления новоевропейским.

Принявшее окончательные формы к X в. языческое сознание восточнославянских и объединившихся с ними тюркских, угро-финских, балтских и иных племен явилось итогом многотысячелетнего архаического периода. Его основные установки таковы: нерасторжимость с природными циклами, политеистическое поклонение стихиям, неразличение духовного и материального аспектов бытия, культ тотемов и предков как способ социальной детерминации. Христианство вместо натуралистического равновесия языческого пантеизма вводит напряженное противостояние духа и материи, в мире и человеке усматривается непримиримая борьба двух противоположных начал, отождествляемых с Богом и дьяволом, добром и злом, душой и плотью. Вместо идеи вечного круговорота вырабатывается концепция векторного развития эсхатологического, финалистического типа от сотворения мира до грядущего Страшного суда. Человек взывается к моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса становится частью общечеловеческой истории. Реально древнерусское сознание при господстве православного учения включало элементы языческого прошлого, что принято называть «двоеверием».

В отличие от рафинированно выделенной западноевропейской схоластики, языком которой была книжная латынь, отечественная философия с самого начала следовала традиции славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия, создавших азбуку и положивших начало перевода Библии, бывшей основным источником средневековых представлений о мире и человеке, на общепонятный старославянский язык. Распространение во всем контексте культуры, тяготение к живому образному слову, пламенная публицистичность, особый интерес к исторической и нравственно-этической проблематике, тесный союз с литературой и искусством, когда многие философские идеи воплощались не в виде понятийно-логических и системообразующих конструкций, но путем создания многозначных символов и художественно-пластических образов, составляют отличительные черты русского средневекового философствования. Их можно рассматривать как достоинство, ибо они придавали высокую философскую значимость не только средневековой, но и всей последующей русской культуре, они же сыграли и тормозящую роль в конституировании философии как особого вида профессиональной деятельности, которая оформилась на Западе со времен средневековых университетов.

Термины «философ», «философия», «философствовать» довольно часто встречаются в древнерусской письменности, но их значение было гораздо шире и полисемантическое, чем в современном языке.

Под «философами» могли подразумевать: античных мыслителей, прежде всего Сократа, Платона, Аристотеля Демокрита, Зенона, чьи идеи и имена были известны по многим источникам, в том числе по сборнику афоризмов «Пчела»; представителей патристики, например, о Максиме Исповеднике писалось, что он был «философ до конца житием и словом пресветел»; искушенных в догматике христианских проповедников, как-то назван в «Повести временных лет» византийский богослов, пришедший накануне крещения Руси и произнесший перед князем Владимиром «Речь философа»; мастеров экзегезы, углубленно истолковывавших скрытый смысл почитаемых книг, вроде Климента Смолятича; просветителей высокого культурного уровня, каким был «зело мудрый в философии» Максим Грек; деятелей искусства, умевших философские образы воплощать в совершенной художественной форме, так иконописца Феофана Грека называл «искусным философом» его современник Епи-

фаний Премудрый; людей, способных к необыденному мышлению, вроде князя Владимира Волынского, о котором писалось в Ипатьевской летописи: «Владимир же разумел притчи и темные слова и разговаривал с епископом много о книгах, ибо был великий книжник и философ, какого не было по всей земле и после него не будет». Подобные высказывания отражают в целом уважительное отношение к философии в средневековой Руси, показывают ее высокий статус и дают опосредованное понимание философии и смысла философствования.

Непосредственные же представления о философии явственно выражены в ее определениях. Наиболее авторитетными для Руси были взгляды **Иоанна ДАМАСКИНА**, византийского мыслителя, богослова, гимнографа VIII в., «Фомы Аквината Востока». В фундаментальном «**Источнике знания**», предвосхитившем «сумы» западных схоластов, в «Философских главах», называемых часто «Диалектикой», Дамаскин дает шесть определений философии: «Философия есть познание сущего как такового... познание божественных и человеческих вещей... помышление о смерти произвольной и естественной... уподобление Богу в возможной для человека степени... искусство искусств и наука наук... любовь к мудрости». Далее он разворачивает всеобъемлющую систему знания, где под философией понимается вся его совокупность. В духе перипатетической традиции философия разделяется на *теоретическую* и *практическую*, первая в свою очередь делится на *богословие*, *физиологию* (учение о природе) и *математику*, а вторая – на *этику* (учение о поведении личности), *экономику* (о поведении семьи) и *политику* (об управлении государством).

Краткое, но весьма выразительное и первое на славянском языке определение философии дал первоучитель Кирилл, прозванный за свой высокий культурный подвиг Философом. В посвященном ему житии сообщается, что под философией он понимал «знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, которое учит человека делами своими быть по образу и подобию сотворившего его». Далее раскрывается понимание философии как возвышенного стремления к Софии Премудрости Божией, явившейся в пророческом сне любознательному отроку в виде прекрасной девы, превосходящей всех своей ослепительной красотой. Здесь проступает эмоциональное устремление к мудрости в духе платоновского эроса, нравственное к ней отношение как высшей ценности и эстетическое любование ее чарующим неземным обликом.

Образ *Софии Премудрости*, представляющий христианизированный синтез соответствующих образов языческой Афины Паллады и библейской девы Мудрости, является одним из ключевых в русской средневековой философии. Он выражен не только в письменных текстах, но и в величественных храмах, посвященных Софии, в великолепных фресках и иконах, в произведениях пластики, в торжественных песнопениях в ее честь. Этот образ в сильнейшей степени формировал ставшую устойчивой для отечественной философии традицию ее соединения с художественным и символическим осмыслением бытия, лег в основу софиологии.

Для средневекового понимания философии важно учитывать принципиальное разделение ее на «внутреннюю» и «внешнюю», идущее от отцов церкви. Под первой подразумевалась христианская, богодухновенная, высшая, целью которой является спасение души человеческой, под второй — языческая, мирская, менее важная, ибо она направлена на познание вещей материальных, порою осуждаемая, но все же полезная, как писал Максим Грек, «для исправления ума», имея в виду логику. Еще более акцентированное понимание философии проступает у **Нила СИНАИТА** (Нила Философа), наставника монашествующих. Он считал, что подлинным философом может быть лишь удалившийся от суеты мира подвижник. Понимание философии как практического, жизнестроительного, учащего не словом, а делом духовного наставничества, как исцеления души человеческой было своеобразной христианской интерпретацией сократовского ее понимания как практической морали.

Среди памятников древнерусской письменности библейские тексты и их интерпретации занимают господствующее положение, они формировали средневековый менталитет, центральной доминантой которого являлось важнейшее сверхпонятие Бога, осмысленного как высший синтез субстанционального, морального, социального и иных отношений к бытию. Углубленная экзегеза, содержащаяся в переводимых на славянский язык творениях патристики, способствовала созданию развитого абстрактного мышления. Главным назначением сакральной мудрости было научение человека добродетельной жизни и осознание им высшего смысла своего существования.

2. Формирование самобытной философской мысли в Киевской Руси

Широкое распространение традиций письменной культуры, массовый перевод книг, создание литературного языка, становление категориального аппарата отвлеченного мышления началось после введения христианства в Киевской Руси. Новая идеология нуждалась в значительном письменном фонде, в осмыслении серьезных богословско-философских вопросов бытия и сознания, что стимулировало рост интереса к мировоззренческой проблематике.

В складывавшейся и быстро достигшей расцвета древнерусской книжности XX-XIII вв. можно выделить три потока: *переводную, общую для славянских народов и оригинальную* литературы. Переводились прежде всего библейские тексты, творения отцов церкви и богослужебная литература. Особенно популярной была **Псалтырь**. После Азбуки и Часослова она стала на Руси следующей обязательной для изучения книгой. Вместе с тем Псалтырь была не сухим учебником, а ярким поэтическим произведением, оказавшим глубокое воздействие на всю средневековую культуру и поэзию вплоть до Нового времени. Наивысшим авторитетом интерпретаторской и учительной литературы пользовались творения отцов церкви: Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Кесарийского, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина и многих других представителей патристики.

К числу наиболее ценных источников философско-онтологического характера следует отнести «Шестодневы», пространно истолковывавшие сюжет о сотворении мира, содержащийся в библейской Книге Бытия. На Руси особенно популярным стал «Шестоднев» **Иоанна ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО**.

Иоанн Экзарх приводит в начале каждой главы цитаты из Библии, а затем комментирует их. Часто ссылается на греческих философов, но в основном критически, ибо все они противоречат друг другу: «Несмыслены суще философы елиньские, имь же видеще сами супротивным...» Смысл философии Иоанн видит в поиске истины, познании природы и генезиса всего сущего: «Елма же философии подобает истины искати, да сущия всего увесть еСТЬСТВО и род како еСТЬ».

Болгарский мыслитель отрицает «астроляжские басни» и приводит немало ценных естественнонаучных сведений по астрономии, географии, ботанике, зоологии, анатомии. Он отстаивает тезис о шарообразности Земли, правильно объясняет причину затмений, приливов и отливов, рассказывает о климатических поясах и т.д. Его взгляды не совпадали с идеями Космы Индикоплова о мироздании, изложенными в «Христианской топографии», но тем не менее оба эти произведения были включены в «Великие Минеи Чети» митрополита Макария XVI в., что свидетельствует о разнообразии философских концепций на Руси.

Как и большинство памятников Средневековья, «Шестоднев» Иоанна Экзарха отличается высокими эстетическими достоинствами, написан ярким, образным языком в торжественном строгом стиле. В нем звучит подлинный гимн Слову, весь мир уподобляется раскрытой книге, которую нужно учиться читать, видя в растениях, камнях, тварях и природных явлениях высший сокровенный смысл. Своеобразный рационализм сплавляется у Иоанна с вдохновенным пафосом, образуя тот возвышенный учительный стиль, который так характерен для византийской и старославянской литературы.

Еще одним памятником, свидетельствующим о тесных связях болгарской и древнерусской культур, является «**Изборник 1073 года**», который принадлежит к характерным для Средневековья сборникам энциклопедического характера. В нем содержится около 200 глав различных авторов, многие из которых, как, например, фрагменты, принадлежащие Максиму Исповеднику и Феодору Раифскому, имеют несомненную философскую значимость.

Особый интерес представляет первый в русской письменности переводный эстетический трактат — статья **Георгия ХИРОВОСКА «О образех»**. В ней дается 27 поэтических тропов: аллегория («инословие»), метафора («превод»), инверсия («возврат») и других, которые стали известны на Руси задолго до XVIII в.

Близок к «Изборнику 1073 г.» во многом сходный с ним «**Изборник 1076 г.**». Его открывает «Слово некоего калугера о чтении книг». Калугер, т.е. добрый, почтенный старец (от греч. — *καλοῦτροσ*), как называли монахов преклонных лет, призывает всем сердцем внимать мудрым книгам: «Послушай ты житья святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго и святааго

Кирилла Философа и иных мног святых, како ти съ прьва поведають о них рекуште: из млада прилежааху святъх, то же и на добрая дела подвигнушася». Вторым следует «Слово некоего отца к сыну своему». В нем анонимный автор дает выстраданные им жизненные советы: «Буди понижен главою, высок же умьмь; очи имея въ земли, умьней же въ небеси». Содержатся в «Изборнике» также одна из самых философичных библейских книг «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», поучение Василия Великого «Какое подобает человеку быти», «Афанасиевы ответы», «Стословец Геннадия» и ряд других текстов.

Древнерусское летописание сложилось не без влияния византийской исторической литературы, прежде всего «Хроник» **Иоанна МАЛАЛЫ** и **Георгия АМАРТОЛА**. Наибольший интерес в философском плане представляет повествование Амартола, для которого «характерно особое пристрастие к обширным богословским и философским рассуждениям» (О.В.Творогов).

Во вступлении Амартол сообщает, что он собирается поведать не только «о древних цесарих и о сильных», но и рассказать о наиболее мудрых «философех и риторех же», вскрыть смысл происшедшего, «да просвещены будем от истинных и неизреченных премудрости». В хронике, где кратко, где пространно пишется о великих умах древности: Зороастре, Сократе, Платоне, Аристотеле, Пифагоре, Филоне, Оригене и других вошедших в мировую культуру деятелях. Подобный экскурс в древнюю историю просвещал в немалой степени древнерусского читателя, уже с XI века узнававшего, в частности, что наука о мышлении («диалектика») связана с именем Зенона Элейского.

Со ссылкой на «естествословцев» (натурфилософов) Амартол вводит концепцию рационалистического толкования древнегреческого пантеона, согласно которой «Посидон есть вода, а Ифеста огонь, Иру же аеру сущю, Димитру же земля и плоды, Дия же дождь». Здесь присутствует попытка объяснить обряды мифологии через учение о стихиях, попытка, которая находилась в русле чрезвычайно укоренившейся натурфилософской концепции, просуществовавшей вплоть до Нового времени как на Западе, так и на Востоке.

У Амартола содержится любопытное описание возникновения монашеских общин вокруг Александрии, где уединившиеся отшельники проникаются подлинной духовной философией. Монахи «беседуше бо о святых книги, философствуют, рекше испытають отечское премудролюбие». Лишь освободившегося от всех страстей подвижника духа они почитают за подлинного

философа. Славящихся мудростью эллинов и иудеев они считают «соблазнившимися» своим умом, за образец же философствования почитают Христа, «единому показавышу деломь и словомь философствовати».

Обратимся к оригинальным сочинениям древнерусских авторов эпохи Киевской Руси. На первое место по своему философскому значению следует поставить **«Слово о законе и благодати» ИЛАРИОНА**. Оно создано в период расцвета раннефеодальной Киевской державы, преисполнено жизнеутверждающего пафоса и веры в грядущее процветание Русской земли.

Его автор, которого можно считать одним из первых древнерусских мыслителей, известен нам лишь по имени. В летописи о нем пишется, что он был «муж благ, и книжен, и постник». В 1051 г. он по настоянию Ярослава Мудрого возведен в сан митрополита, став первым главой отечественной церкви из русских.

«Слово» является наиболее ранним памятником древнерусского торжественного красноречия, это возвышенный образец ораторской прозы, яркое творение публицистики и вместе с тем глубоко историософское сочинение. Состоит оно из трех частей. В первой показывается смысл мировой истории в переходе от ограниченной рамками одного народа идеологии к вселенскому типу мировоззрения. «В основе философско-исторической концепции Илариона лежит идея равенства всех народов перед «благодатью» (И.П.Еремин). Во второй части прославляется Русь, где «лепо бе благодати и истине на новы люди вьсиати». В третьей воздается хвала князю Владимиру, его отцу храброму Святославу и мудрому сыну Ярославу. Здесь же впервые сравнивается Владимир с равноапостольным императором Константином, что предвосхитило возникшую впоследствии концепцию «Москва – Третий Рим». Произведение Илариона – одно из лучших творений раннего Средневековья не только в отечественной, но и в мировой литературе. Его отличают единство патриотической идеи и широкого общечеловеческого универсализма.

После Илариона вторым митрополитом из русских стал **Климент СМОЛЯТИЧ**. Выбор пал на уроженца Смоленской земли не случайно. По Ипатьевской летописи он был «книжник и философ так, яко же в Руской земли не бяшеть». Известно несколько сочинений Климента, основное из них – **«Послание, написано Климентом митрополитом руским Фоме Презвитеру»**. В «Послании к Фоме» Климент Смолятич отвечает своему оппоненту (обвинившему его в том, что он «философ ся творя» и

«философией пишет»), что нужно не слепо, догматически следовать Писанию, а уметь толковать заложенную в нем символику: «Несть ли лепо пытати потонку божественных писаний?». И далее он истолковывает ряд наиболее распространенных библейских символических образов, среди них образ Премудрости. Экзегеза как тип философствования чрезвычайно присуща всему Средневековью.

В Средние века сложился особый тип подвижника-мыслителя, монаха-философа, немногословного, а порою и вовсе безмолвного учителя жизни. Одной из первых и ярких личностей этого типа был преподобный **Феодосий ПЕЧЕРСКИЙ** (ок. 1036–1074 годов). Игумен Киево-Печерского монастыря, строгий подвижник и неутомимый наставник братии, о котором летописец Нестор написал житие, одно из лучших творений в древнерусской агиографии, ставшее образцом для последующих авторов.

Деятельность Феодосия не ограничивалась стенами монастыря. Он был активным общественным деятелем: помогал бедным, защищал вдов от несправедного суда, обличал князей, вероломно захватывавших власть и попиравших закон. Видя высокий авторитет подвижника, князья и судьи побаивались его, народ же любил за бескорыстие, непорочную жизнь и готовность помочь обиженным. Говоря о величии Феодосия, Нестор пишет: «премудрей философ явился», т.е. не будучи философом по роду деятельности, игумен явился более мудрым наставником жизни, чем они.

От Феодосия Печерского сохранился ряд сочинений, кратких, безыскусственных и вместе с тем удивительно проникновенных, полных искреннего участия к людям. В посланиях к князю Изяславу подвижник защищает православную веру как идейное оружие против врагов Руси: «И несть бо иноя веры лучши, яко же наша». Но здесь же он призывает князя быть милостивым по отношению ко всем людям, независимо от веры и национальной принадлежности: «...милостынею же милуй не токмо своя веры, нъ и чюжая; аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бедою одържима, аще ти будеть ли жидовин, ли сорочинин, ли еретик, ли латинин, ли от поганых — всякого помилуй и от беды избави, яко же можеши...» Не конфессиональная ограниченность, а широкие гуманистические взгляды характеризуют Феодосия Печерского как одного из ярких мыслителей Древней Руси XI в.

«Златоустом, паче всех просиявшим на Руси» называли **Кирилла ТУРОВСКОГО** (ок. 1130—1182 гг.). Его проповеди, слова, речи представляют вершину древнерусского торжественного красноречия и философско-богословской эклектики.

Характерным примером философской притчи является сочинение Кирилла Туровского «**Притча о человеческой душе и теле**». Слепец — аллегория души, а хромец — тела. Объединившись вместе, они совершают преступление — расхищают виноградник, который им поручено стеречь. «Вертоград», обнесенный стеной, — это символ благоустроенного человеческого бытия, ограждаемого твердыми нравственными заповедями. Хозяин виноградника — Творец, поручивший беречь его. Нарушившие закон душа и тело сурово наказываются за свое преступление.

Эта притча носила не только назидательный характер, она имела острую публицистическую направленность. Кирилл порицал в ней Андрея Боголюбского, выведенного в образе хромца, и его ставленника епископа Феодора. Единство Руси не должно было строиться на обмане и преступлении — такова глубокая социально-этическая мысль Кирилла Туровского. Нельзя безнаказанно творить зло даже из благих намерений. Эти мысли о цели и средствах, о преступлении и наказании станут одними из ведущих как в русской литературе, так и в русской философии.

Не оставил в стороне Кирилл Туровский и проблемы гносеологии. В «**Слове о премудрости**» он связывает познание с нравственными устоями, считая, что «кротость бо есть мати мудрости и разуму и помыслу благу и всем добрым делом». Смирение предстает в образе кроткой матери, все остальные человеческие добродетели, в том числе и мудрость, являются ее детьми, отец же им сам Господь. Этому «святому семейству» противостоит дьявольская родня, в которой гордыня предстает матерью пороков человеческих, отец же им — сам сатана.

Мыслителей, писателей, публицистов можно обнаружить не только среди лиц духовного звания, хотя они и преобладают в средневековый период. Культурным деятелем XII в. из мирян является **Владимир МОНОМАХ**, великий князь Киевский в 1113—1125 годах.

Владимир Мономах создал «**Поучение**», сохранившееся в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи. После смиренного вступления автор обращается с призывом «страх божий» иметь в сердце своем, что в средневековой семантике означает неустанное стремление отлучаться от зла, помнить тяжесть греха и ужас преступления. «Страх Божий» есть постоян-